

Пролог

*Йоркшир, Англия
24 мая 1812 года*

— Можно мне на него посмотреть? — спросила девушка. Она была совсем юной — ей едва исполнилось семнадцать. От боли и усталости на ее белом как мел лице залегли морщины, а в огромных голубых глазах читалось отчаяние.

Роды у нее выдались трудными, и опасность еще не миновала.

Стоявшие рядом две женщины постарше — одна, пусть и скромно одетая, но явно знатная дама, а другая служанка — обменялись тревожными взглядами.

Лиззи Литби стала маркизой и мачехой девушки всего год назад. Однако относилась она к падчерице с такой теплотой и заботой, словно была ей родной матерью или сестрой. Она наклонилась над лежавшей на подушке белокурой головкой.

— Дорогая, лучше тебе на него не смотреть, — пробормотала она. — Лучше отдыхай-ка.

— Он молчит, — проговорила девушка. — Почему он молчит?

Леди Литби погладила ее по голове:

— Ребенок... очень слабенький, Шарлотта.

— Он ведь умрет, да? Ой, дайте же мне поглядеть на него. Лиззи, хоть на минуточку, пожалуйста. Мне так жаль, что я причиняю вам беспокойство...

— Не вини себя, — резко бросила леди Литби. — И думать так не смей.

— Слушайся ее светлость, — сказала служанка. — Это все тот гадкий мужчина виноват. А еще негодница, выдававшая себя за гувернантку. Ей надо было оберегать тебя от волков в овечьей шкуре. А она не уберегла, так ведь? Она пустила все на самотек, а откуда невинной девушке знать о коварстве мужчин?

Волка в овечьей шкуре не было в живых, его убили на дуэли — естественно, из-за женщины. Леди Шарлотта Хэйвард была не первой и не последней женщиной, которую успел опорочить Джорди Блэйн, однако, возможно, самой юной и самой знатной.

— Вот видишь, — проговорила мачеха, — Молли за тебя. Я тоже на твоей стороне. — По ее щеке пробежала слеза и упала на подушку. — Не забывай этого, милая. Ты всегда можешь обратиться ко мне за помощью.

«Если бы ты поступила так прошлым летом...»

Леди Литби не произнесла этого вслух, однако эти слова парили, словно призрак, в тишине комнаты.

— Простите меня, — сказала девушка. — Я такая дура. Простите. Лиззи, можно мне поглядеть на него? Хотя бы секундочку. Прошу тебя.

Она говорила, хрипя и задыхаясь. Глаза ее наполнились слезами, грудь быстро вздымалась и опадала. Женщины боялись за ее жизнь, хотя делали все, чтобы скрыть тревогу.

— Не хочу, чтобы она волновалась, — прошептала леди Литби служанке. — Пусть посмотрит на младенца.

Молли вышла в соседнюю комнату, где его нянчила кормилица.

Все было организовано очень тщательно и скрытно: повитуха, кормилица, экипаж, в котором ребенка отвезут новым родителям. Позор его матери будет скрыт целиком и полностью.

Через несколько минут служанка вернулась с младенцем. Шарлотта улыбнулась и приподнялась на подушках,

и Молли протянула ей ребенка. Он, казалось, попытался найти грудь, но со вздохом закрыл ротик.

— Ой, только не умирай! — взмолилась молодая мать. — Она погладила его по белокурой головке. Провела указательным пальцем по носику, губкам и подбородку. Коснулась крохотной ручки, и он обхватил ее маленькими пальчиками. — Ты не должен умереть. Послушай мамочку. — Она прошептала что-то еще, но очень тихо, так что ее слова никто не расслышал.

Потом она посмотрела на мачеху.

— О нем хорошо позаботятся?

— Его отдадут в прекрасную семью, — заверила ее леди Литби. — Людям, которым было не дано обзавестись ребенком. Там малыша окружают заботой.

«Если он выживет».

Этого тоже не произнесли вслух.

Возможно, вслух не сказали слишком много, однако Шарлотта прекрасно понимала, какой грех совершила и в какое неприятное положение поставила мачеху. Слишком хорошо понимала, чем обязана этим двум женщинам, и потому не высказала того, что было у нее на сердце. Вероятно, душевная боль была слишком сильна и Шарлотта просто не могла подобрать нужных слов.

Она лишь смотрела на младенца и печалилась так, как ей казалось, она никогда не сможет переживать. Она глядела на сына, своего прекрасного сына, и думала, сколько же вреда она ему причинила.

Джорди Блэйн разбил ей сердце, но та боль никак не могла сравниться с нынешними переживаниями. Она произвела на свет невинного младенца. Слабенького. Нуждающегося в матери. Но оставить его она не могла.

Любовь.

Из-за нее она принесла так много горя столь многим людям, а хуже всего сделала невинному существу, которое ей хотелось защищать больше всего на свете.

Любовь.

Она воистину ослепляет. Ослепляет по отношению к другим. По отношению к прошлому, настоящему

и будущему. Ко всем, кроме одного бесстыдного субъекта и низменных инстинктов, которые он в ней пробудил — плотского желания и страсти...

От них остались лишь невыносимые боль и скорбь.

Любовь.

Больше никогда. Ее душа ее не вынесет.

Шарлотта поцеловала младенца в лобик. Затем посмотрела на служанку полными слез голубыми глазами.

— Можете его забрать, — проговорила она.

Глава 1

Беда Дариуса Карсингтона состояла в том, что у него не было сердца.

Все члены его семейства сходились во мнении в том, что при появлении на свет самого младшего сына графа Харгейта сердце у него все-таки было. В самом начале его жизни никоим образом не казалось, что ему суждено стать самым несносным из пяти сыновей лорда Харгейта.

Разумеется, внешне он не очень-то от них отличался.

Двое его братьев, Бенедикт и Руперт, унаследовали от красавицы-матери смуглую кожу и темные волосы. Дариус, как и его братья Алистер и Джеффри, своими золотисто-каштановыми волосами и глазами цвета янтаря пошел в отца, лорда Харгейта. Как и братья, Дариус был высок, силен и красив.

В отличие от остальных Дариус всегда проявлял склонность к наукам. Он начал раздражать отца еще тогда, когда настоял на обучении в Кембридже, в то время как все мужчины в их роду всегда обучались в Оксфорде. Дариус утверждал, что в интеллектуальном плане Кембридж гораздо выше. Там можно изучать ботанику, сталеплавильное дело и другие предметы, относящиеся к естествоиспытанию и практической философии.

Верно, в Кембридже он преуспел. К сожалению, после завершения обучения там развитие интеллекта в нем обладало над привязанностями и моральными устоями.

Проще говоря, Дариус подчинил свою жизнь двум занятиям. Первое — изучение поведения животных, осо-

бенно во время спаривания и размножения. И второе — подражание этому поведению в свободное время.

Проблема заключалась в занятии номер два.

Что касается женщин, то и остальные четверо сыновей лорда Харгейта святыми не были. Исключение составлял лишь Джеффри, который был моногамен с рождения. Однако когда речь заходила о количестве побед на любовном поприще, с Дариусом сравниться не мог никто.

И все же его женолюбие было небольшим прегрешением, потому как отец, мать и остальные члены семейства были далеки от пуританства. Поскольку он дал себе зарок не соблазнять невинных девушек, его нельзя было обвинить в том, что он подлец. Поскольку у него хватало ума ограничивать свои похождения областью полусвета, в скандалах он замешан не был. Моральные нормы высшего света и полусвета были в любом случае «гибкими», и проделки молодых повес редко вызывали порицание, не говоря уже о том, чтобы о них писали на страницах желтой прессы.

Ярость семейства вызывали его методичность и бездушные при погоне за победами на любовном фронте.

Изучаемые им животные значили для него куда больше, чем женщины, с которыми он спал. Он мог перечислить все большие и малые отличия одной породы овец от другой, но не мог вспомнить, как зовут его нынешнюю возлюбленную, не говоря уже о том, чтобы сказать, какого цвета у нее глаза.

Напрасно прождав, пока его двадцативосьмилетний сын остепенится или хотя бы проявит признаки принадлежности к роду человеческому, лорд Харгейт решил, что настало время вмешаться.

И велел Дариусу явиться к себе в кабинет.

Все сыновья лорда Харгейта прекрасно знали, что означает вызов в кабинет отца, где тот обрушивался на них с ругательствами, по выражению Руперта, «как гора камней».

Однако Дариус вошел в кабинет, который Алистер назвал «застенком инквизиции», с таким видом, будто

подошел к кафедре для чтения доклада: плечи расправлены, голова высоко поднята, умные золотистые глаза яростно сверкают.

Являя собой воплощение самоуверенности, Дариус остановился у письменного стола и выдержал пронзительный взгляд отца. Повести себя иначе означало роковую ошибку. Даже менее интеллектуально развитый человек научился бы этому, проведя всю жизнь рядом с сильными волей братьями.

Он сделал все возможное, чтобы создалось впечатление, что он не позаботился о своем внешнем виде, поскольку это выглядело бы как попытка умиротворить чудовище.

Штука состояла в том, что Дариус всегда четко знал, что делает и какое впечатление производит.

Возможно, он едва провел расческой по пышным каштановым волосам. Опытный взгляд отметил бы, как стрижка выгодно оттеняет естественный рыжевато-коричневый оттенок прядей, выгоревших на солнце после долгих часов, проведенных на свежем воздухе зачастую без шляпы. Загар подчеркивал точеные черты его лица, а нарочито простой костюм привлекал внимание к его стройной фигуре.

Он был совсем не похож на ученого. В его облике было мало от цивилизованного человека. Дело было не в мощной фигуре и не в золотистом отсвете силы и красоты, а в какой-то излучаемой им животной энергии, ощущении таящейся за пристойным фасадом неукротимой силы природы.

Многие наблюдатели, особенно женщины, видели в нем не знатного джентльмена, а воплощение сил дикой природы.

Женщины или впадали в безумие, или хотели укротить его. С таким же успехом можно было попытаться укротить дождь или Северное море. Он брал, что они ему предлагали, а дальше они переставали его заботить.

Дариус не видел причины вести себя иначе. В конечном итоге, отношения с женщинами были временными

по определению. Они не оказывали влияния ни на общество, ни на земледелие, ни на что-либо существенное.

Отец ясно давал ему понять, что видит все это в другом свете. Он говорил, что распутство банально и является признаком вульгарности, а количество любовниц выставляет его конкурентом других праздных и безмозглых молодчиков, неспособных совершить в жизни хоть что-то достойное.

Лекция эта продолжалась довольно долго в характерной для лорда Харгейта энергичной уничтожительной манере, делавшей его одним из самых страшных членов парламента.

Разум твердил Дариусу, что отцовская речь — лишенная логики филиппика. И все равно она задела его за живое, что и было целью отца. Однако рациональный человек никогда не позволяет эмоциям возобладать над действиями даже при сильнейшей провокации. Он давным-давно понял, что логика и холодная отстраненность являются мощным оружием. Оно не позволяет властным членам его семьи подавлять других силой своей личности, предотвращает манипуляции, особенно со стороны женщин, и завоевывает уважение, по крайней мере, среди людей развитых.

Поэтому Дариус ответил в наиболее раздражительной манере, которую смог выдать экспромтом:

— При всем уважении, сэръ, я не возьму в толк, какое отношение к подобным предметам имеют эмоции. Естественный природный инстинкт самца состоит в спаривании с особями противоположного пола.

— А еще, как ты сообщил в нескольких статьях о брачных играх животных, естественный инстинкт некоторых видов состоит в выборе партнера и верности ему, — ответил лорд Харгейт.

А, вот оно наконец. И совсем неудивительно.

— Иными словами, ты хочешь, чтобы я женился, — сказал Дариус. Он не видел смысла играть словами, и это являлось еще одной неприятной чертой его характера.

— Ты решил не делать академическую карьеру в Кембридже, — проговорил его отец. — Выбери ты стезю ученого, никто бы не ждал, то ты женишься. Однако у тебя нет никакой профессии.

Никакой профессии? В свои всего двадцать восемь лет Дариус Карсингтон являлся одним из самых уважаемых членов Философского общества.

— Сэр, позвольте, но моя работа...

— Половина аристократов, похоже, строчат научные статьи, чтобы произвести впечатление в том или ином научном обществе, — пренебрежительно взмахнул рукой лорд Харгейт. — Однако в большинстве своем у этих джентльменов есть источники дохода, и они отнюдь не в кошельках их отцов.

Этот жест задел Дариуса, и ему захотелось возразить.

Он мог бы сказать: «А чем вместо этого мне еще заняться по жизни? Как выделиться среди остальных: праведника и филантропа Бенедикта, образцового семьянина Джеффри, героя войны и неисправимого романтика Алистера, обаятельного пройдохи и недавно ставшего дерзким авантюристом Руперта? Как блеснуть среди них, используя свое единственное преимущество — интеллект? Как бы ты вырвался из их тени?»

Хотя эти вопросы более чем уместны, он их не задаст. Он откажется втянуться в защиту самого себя от таких несправедливых и нелогичных упреков.

Вместо этого он изобразил на лице веселость.

— В таком случае, папа, быть может, ты будешь столь любезен, что найдешь мне невесту с хорошим приданым? Мои братья, похоже, остались довольны твоим выбором, а по мне совершенно все равно, на ком жениться.

Ему и вправду было все равно. Он был уверен, что эти слова уязвили отца. Это утешало, но не очень, поскольку лорд Харгейт славился умением скрывать свои чувства.

— У меня нет времени подыскивать тебе подходящую невесту, — ответил его светлость. — В любом случае я ни разу не обмолвился твоим братьям о женитьбе, пока им не исполнилось тридцать. По совести сказать, я должен

дать тебе еще год. Мне нужно предоставить тебе возможность проявить себя на полезном поприще, как я поступил с остальными сыновьями.

Самому старшему, Бенедикту, не пришлось искать профессию или богатую невесту, потому как он унаследует все имущество. Остальные сыновья женились на богатых девицах. К тому же женились по любви, но лорд Харгейт предпочитал об этом не упоминать.

Дариус относил романтическую любовь к категории суеверий, мифов и поэтической чепухи. В отличие от полового влечения, похоти и родственных чувств, встречающихся в животном мире, романтическая любовь представлялась ему чувством, созданным по преимуществу воображением.

Однако в тот момент он о любви не думал. Дариус пытался понять, к чему клонит его интриган-отец.

— Недавно в мое владение перешла одна усадьба, — произнес лорд Харгейт. — Даю тебе год, чтобы она начала приносить доход. Если получится, ты освобождаешься от обязательства жениться.

Дариус воспрянул духом. Дело, настоящее дело! Неужели отец наконец-то понял, на что он способен?

Нет, конечно же, нет. Это невозможно.

— Дело не из легких, — сказал Дариус. — Интересно знать, в чем подвох?

— Дело совсем даже не из легких, — ответил лорд. — Дело об имении уже десять лет в канцлерском суде.

Канцлерский суд — это лондонский суд справедливости. Куда легче отдать дело в этот суд, чем вернуть его оттуда, в чем не раз к своей великой печали убеждались многочисленные истцы и ответчики.

— Десять лет? — переспросил Дариус. — Ты, наверное, об имении в Чeshire, раньше принадлежавшем этой сумасшедшей старухе. Как оно называется?

— Бичвуд.

«Сумасшедшей старухой» была двоюродная сестра лорда Харгейта леди Маргарет Андовер, которая к моменту

смерти уже перестала общаться со всей своей семьей и даже с соседями. Она общалась только со своим горячо любимым мопсом по кличке Галахад (ко времени этого разговора давно умершим), которому она и оставила имение, прописав это в одной из приписок к пространному двухсот восемнадцатистраничному завещанию. Многочисленные приписки противоречили друг другу, как и другие завещания, сделанные ею за последние десять лет жизни. Поэтому дело об имении и оказалось в Канцлерском суде.

Головоломка сложилась.

— Дом еще стоит? — спросил Дариус.

— Еле-еле.

— А земля?

— Как ты думаешь, в каком она состоянии после десятилетнего запустения?

Дариус кивнул:

— Понимаю. Ты предлагаешь мне совершить подвиги Геракла.

— Именно это.

— Ты явно убежден, что для приведения усадьбы в порядок понадобится не год, а несколько, — проговорил Дариус. — Это и есть ложка дегтя в бочке меда.

— Когда-то оно приносило очень неплохой доход, и все возможности для этого остались, — сказал его светлость. — Лорд Литби, наш восточный сосед, жаждет прибрать это имение к рукам. Если тебе кажется, что ты это дело не потянешь, он с огромным удовольствием освободит нас от этого бремени.

Лорд Харгейт прекрасно знал, как задеть Дариуса за живое. И это у него получилось, как и рассчитывал старый черт. Даже самый могучий интеллект редко выигрывал битву у мужского тщеславия.

— Ты прекрасно знаешь, что я не откажусь... не смогу отказаться... если ты так ставишь вопрос, — сказал Дариус. — И когда начинается мой годичный срок?

— Прямо сейчас, — ответил лорд Харгейт.

Чешир

Суббота, 15 июня 1822 года

Свинья по кличке Гиацинта лежала в свинарнике, терпеливо выкармливая многочисленное потомство. Эта самая толстая и плодовитая свиноматка в округе была гордостью своего хозяина, маркиза Литби, и предметом зависти со стороны соседей.

Лорд Литби стоял, прислонившись к ограде хлева, и любовался своей хрюшкой.

Стоявшая рядом с ним молодая женщина думала, что у нее много общего с этой свиноматкой. В них обеих его светлость души не чает.

Леди Шарлотте Хэйвард было двадцать семь лет. Она была дочерью лорда Литби от первого брака, единственным ребенком, его радостью и отрадой.

Самые строгие критики из высшего света не могли найти в ее облике ни малейшего изъяна. Они единогласно соглашались, что она не слишком высокая, не низкорослая, не полная и не худая. Нежно-золотистые пряди волос обрамляли ее лицо, соответствовавшее всем канонам классической красоты: бездонные голубые глаза, изящный нос, изогнутые, словно лук Купидона, губы, светившиеся на фарфорового цвета лице. Многие завидовавшие ей женщины с раздражением замечали, что ее невозможно было ненавидеть, потому что она была слишком добросердечна, великодушна и покладиста.

Они понятия не имели, скольких трудов ей стоило быть леди Шарлоттой Хэйвард, и были бы ошарашены, узнав, что она завидует свинье.

Она гадала, каково это — кататься в грязи и копать в навозе, не думая о том, что скажут другие, когда услышала голос отца:

— Шарлотта, знаешь, а тебе ведь замуж пора.

Она вся похолодела и подумала: «Лучше мне умереть».

Внутри было такое чувство, будто она смотрела в бездну с края утеса. Внешне они никак не выказала тревогу. Все-таки сокрытие истинных чувств стало ее второй натурой.

Она нежно улыбнулась отцу. Шарлотта знала, что он в ней души не чаёт и не собирается делать ее несчастной. Он представления не имеет, о чем ее просит.

Как она может выйти замуж, если ее тайна откроется в первую брачную ночь? Тот, с кем она себя свяжет, как он себя поведет, поняв, что его невеста не девственница? Как она себя поведет? Сможет ли она достаточно правдоподобно соврать, что он ошибся? Захочет ли она начать семейную жизнь со лжи? Но как она сможет доверить мужчине правду? Как она сможет открыть ему свою тайну? Как она сможет признаться во всех совершенных изменах, и как сможет рискнуть предать любимых ею людей?

Она с давних времен задавала себе эти и многие другие вопросы. И мысленно представляла все возможные последствия.

Шарлотта давно решила, что лучше ей умереть старой девой.

Она не сможет сказать это отцу. Для женщины неестественно хотеть оставаться одинокой.

Поскольку столь же противоестественно отцу желать такого дочери, она не удивилась, когда он заговорил на эту тему. Другой отец начал бы такой разговор еще много лет назад. Надо благодарить судьбу за выпавший ей долгий период вольной жизни. И все же она гадала: «А почему именно сейчас?» И она не могла не подумать в полном расстройстве: «А почему вообще он об этом заговорил?»

— Я знаю, папа, девушке нужно выйти замуж, — сказала она.

«Но я замуж выйти не могу, — подумала она. — Не могу из-за гнетущей меня тайны, которую я не могу открыть».

— Ты слишком долго не думала о себе, — продолжил отец в наивном неведении, что расстрожил ее больную совесть. — Я знаю, что ты откладывала свое счастье, чтобы помогать мачехе во время ее разрешений от бремени. Знаю, ты любишь ее. Знаю, любишь своих братиков. Но, дорогая моя, тебе пора создать свою семью и обзавестись своими детьми.

Слова отца скорбью полоснули гораздо глубже по сердцу, чем ожидала Шарлотта. Старик, сам того не подозревая, воткнул кол в ее старую рану.

Своими детьми.

Но он не знает, что на самом деле произошло десять лет назад. Не знает, о чем говорит. Не знает, как ей больно. И никогда не должен узнать.

— Виню себя в том, — продолжал отец, — что взял себе в привычку обращаться с тобой, как с сыном, которого, как мне казалось, никогда у меня не будет. Даже теперь, когда в детской играют четыре твоих братика, эту привычку трудно извести.

Мать Шарлотты умерла, когда девочке не было и пятнадцати лет. К ее полному изумлению, отец снова женился всего лишь через год. Ее мачеха Лиззи была всего на девять лет старше Шарлотты и стала ей скорее старшей сестрой, чем матерью... Хотя сама Шарлотта тогда этого до конца не осознавала. Дура, какая же она была дура!

— Ты меня избаловала, вот в чем беда-то, — говорил маркиз. — Ни разу с того жуткого времени, когда ты болела, ты не дала мне повода скорбеть или печалиться. Вместо этого ты посвятила себя семье, всем нам.

После рождения ребенка, о котором маркиз ничего не знал, Шарлотта и вправду долго болела. После этих жутких месяцев она поклялась, что больше никогда не принесет дорогим ей людям ни тревоги, ни печали, ни стыда. Она и так натворила много непоправимых бед, и ей жизни не хватит, чтобы за них расплатиться.

— Возможно, я тоже считал, что никто из вертевшихся вокруг тебя молодых людей не сможет оценить тебя по достоинству, — продолжал отец, как всегда, пытаясь объяснить ей свою точку зрения. — Естественно, ты добра ко всем твоим ухажерам, хотя и не слишком, поскольку твое поведение всегда безупречно. Однако ни один из них, как я полагаю, не вызвал у тебя симпатии?

— Ни один, — проговорила она. — Наверное, не судьба.

— Не уверен, что нужно так уж верить в судьбу, — возразил отец. — Охотно признаю, что ко мне она была благосклонна. Мне было очень одиноко после смерти твоей матери. Возможно, я совершил большую ошибку...

Шарлотте тоже было одиноко после смерти матери. Когда отец женился второй раз, Шарлотта была в отчаянии, хотя воспоминания об этом успели померкнуть. Так или иначе, она сделалась ранимой, и этим не преминул воспользоваться Джорди Блэйн.

Отец был слишком великодушен, чтобы напоминать ей об ошибке, которую, по его мнению, она едва не совершила. Он считал, что отказал Блэйну от дома до того, как тот успел причинить зло его дочери.

Даже знавшие правду никогда ей об этом не напоминали.

Шарлотте и не надо было ни о чем напоминать.

Отец повернулся к ней, его взгляд сделался необычно серьезным, хотя лорд Литби был человеком веселым, и почти все время глаза его лучились весельем и добротой.

— Жизнь — штука непредсказуемая, дорогая моя. Ни в чем нельзя быть уверенным, кроме как в том, что мы однажды умрем.

Совсем недавно лихорадка чуть было не свела его в могилу.

Шарлотта еще крепче вцепилась затянутыми в перчатки руками в ограду хлева.

— Ой, папа, как жаль, что ты так говоришь.

— Смерть неизбежна, — ответил маркиз. — Зимой, когда я тяжело болел, я думал о том, как же много я не успел сделать. Моя главная тревога — это ты. Когда я уйду из жизни, кто станет о тебе заботиться?

«Слуги, — подумала Шарлотта. — Адвокаты. Попечители». Наследница всегда сможет заплатить кому-нибудь, чтобы тот позаботился о ее делах, и от желающих заняться такой работой не будет отбоя. Муж — это последнее, что нужно богатой наследнице в этом мире».

Шарлотта была очень богата. По брачному контракту матери наследникам причиталось щедрое содержание.